

УДК 82-6

**«ЛЮБОВНЫЕ ПИСЬМА
СОВСЕМ НЕ ПРИНАДЛЕЖАТ К ПИСЬМАМ...»
(специфика жанра в эпистолярной Н.М. Карамзина)***

Л.А. Сапченко

*Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова,
г. Ульяновск, 432700, Россия*

Аннотация

В статье впервые на фоне образцов жанра любовного послания, приведённых в «Письмовниках...» XVIII – начала XIX в., рассматриваются неопубликованные письма Н.М. Карамзина к Е.А. Карамзиной (урождённой Кольвановой).

Цель работы – на примере карамзинского эпистолярного жанра более детально представить процесс формирования индивидуально-авторской модальности в русской словесности, более живо и конкретно увидеть черты личности Карамзина.

Автор ставит перед собой следующие задачи: изучить мотивную структуру и композицию писем; описать основные мотивные комплексы примерного любовного послания; проследить изменения в эпистолярном жанре на рубеже столетий; указать истоки любовной фразеологии в частных письмах этого периода («Письмовники...», французский сентиментальный роман).

В результате исследования определяется особый статус любовного послания, его эксклюзивное право нарушать канон, пренебрегать установленными нормами и образцами, что, в свою очередь, становится нормативной характеристикой жанра. В письмах Карамзина к Е.А. Карамзиной нередко используются готовые выражения, определённые клише, имеющие книжное происхождение. В то же время многообразная и непредсказуемая действительность, не укладывающаяся в рамки парадигмальной риторической культуры, зачастую исключает возможность применения устойчивых формул и приводит автора писем к выработке неповторимого собственного стиля.

В итоге выявляется жанровое и стилевое своеобразие писем Н.М. Карамзина к жене, которые представляют собой универсальный жанр, объединяющий в себе исполненные любви и тревоги обращения к супруге, переговоры с приказчиком, сведения о своём здоровье (послания 1805 г.), репортаж с места эпохальных событий, осмысление исторической миссии России, молитву к Богу о спасении своих близких и отечества (письма 1812 г. из осаждённой Москвы); придворную хронику, светские беседы, дневник историографа, нравственно-философские итоги, страстные любовные признания, родительское благоговение и т. д. (письма 1816 г. из Петербурга).

Впервые публикуется одно из неизданных писем Н.М. Карамзина Е.А. Карамзиной (1805).

Ключевые слова: жанр любовного послания, образцы жанра в «Письмовниках...», неизданный эпистолярный Н.М. Карамзина

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-14-73002_а(р)).

В многочисленных «Письмовниках...» XVIII – XIX столетий, которые в определённом смысле можно назвать руководством по теории послания, была представлена совокупность правил и рекомендаций, которые имели статус нормы и образца для произведений этого жанра. В них был задан также канон любовного письма, заранее изготовленная модель, в которую необходимо было вместить, заключить искреннее чувство. Собранные примеры содержали в себе всё то, что можно и должно писать в подобных случаях. Это был тип парадигмальной эпистолярной культуры, пытающейся объять всю область человеческих отношений.

Образцы любовных писем, данные в «Письмовниках...», имели не только типическую структуру (этикетные формулы приветствия и прощания, ясное изложение главного содержания), но и устойчивый набор мотивов.

1. Напрасные попытки противостоять страсти, неодолимое желание объявить свои чувства (приводимые в письмовниках примеры часто назывались «Объявление любви»): *Тицетно старался я скрыть пламя, которое меня снедает; всё моё о том попечение разжигает оно. Вижу, что ежели молчаливость моя навсегда продолжится, то болезнь моя будет неисцельна. Дошло до того, что я принуждён открыться, и вам на вас пожаловаться, что вы стали невинною причиною моего мучения...* (НВПП, с. 219–220)¹.

2. Решимость наконец открыться своей возлюбленной, невозможность молчать более: *Я люблю и не могу в том не признаться; всё, употреблённое мною на сокрытие сего искусство ни к чему иному не послужило, как только к показанию того, что я люблю с давняго уже времени и ощущаю искреннюю наклонность, которая только может происходить от сердца вздыхающего для вас. Ежели бы вам это было приятно, то бы я почитал себя щастливейшим из всех смертных* (НВПСЗ, с. 153–154).

3. Рефлексия по поводу неординарности послания, нарушающего, возможно, этикетные нормы: *Моя Государыня! Я питаю в сердце моём нежнейшую страсть. Она столь властительна, что не позволяет мне следовать всем правильным предосторожностям, препятствующим откровенно говорить; и чтоб придать мне больше смелости, она внушает мне, что свободное изъявление любви не противно должному почтению к той особе, которую уважают* (НВПСЗ, с. 153).

4. Уверения в искренности, единственности и вечности чувства: *Наконец должно вам сказать, но больше сердцем, нежели языком, что из всех особ в свете вы только одна, которую я особенно люблю, и буду любить во всю жизнь. Это не учтивья слова: моя душа изъясняет вам все свои чувствования тем же образом, как и мой дух узнал их, не имея другого предмета, кроме ваших достоинств* (НВПСЗ, с. 139–140). Или: *...знайте, что из всех сердец, побеждённых вами, моё будет всех вернее* (НВПП, с. 220).

5. Доказательства любви и вручение себя: *Ежели вы сомневаетесь в сих истинах, то употребите всю совершенную власть, приобретённую вами надо мною, для снискания им всех родов доказательств: моё щастие и моя жизнь в вашей власти. Я отважу на всё и то, и другое, ежели вы того желаете, поелику*

¹ Здесь и далее в работе орфография и пунктуация сохраняются в соответствии с оригиналом. – Л.С.

спокойствие моё требует, чтоб я был вечно, Моя Государыня! Вашим и проч. (НВПСЗ, с. 139–140).

б. Желание услышать свой приговор: *Наконец должно мне быть известным или о моём щастии или нещастии* (НВПСЗ, с. 153). Возможность отказа не отменяет решимости признаться, не заглушает уверений в исключительности и долговечности сердечной привязанности.

Мотивы меняются местами, переплетаются, но набор их остаётся везде прежним. Преодоление былой нерешимости, понимание рискованности своего объяснения, нежелание тревожить свою возлюбленную, робость перед нею, опасения навлечь на себя её гнев, стремление посвятить жизнь служению ей, неизмеримость любви, не оставляющая места для других чувств, готовность принять свою судьбу, пожертвовать всем ради любви и т. д. – всё это сплелось в образцовом послании, содержащем объявление любви (а также перекомбинацию одних и тех же мотивов): *Чтоб знать свою судьбу, принуждён я здесь открыть то, что может быть потревожит чувствительность духа вашего, уже давно, что я посвятил в вашу услугу всю вольность и жизнь мою и всячески старался быть вам угодным, чтоб жертвовать вам моим сердцем; но никогда не мог осмелиться предложить вам о том изустно, бояся навести на себя гнев ваш, который мне страшнее самой смерти; однако же сила страсти приневолила меня объявить, что я вас люблю паче всего в свете или лучше сказать, больше самого себя. Ежели ж вы мне в вину то вмените, так я нещастлив вовеки, потому что останусь всегда виновным: ибо никогда любить вас не престану, хотя кажется ставить то в вину самой справедливости противно. Вы столько ж разумом, сколько красотою владеете, то можете ль винить того, кто пленён такими дарованиями, против которых никто устоять не в силах, и ежели за любовь гневаться будете, то нет казни, чем казнить ненависть. Ожидая от вас последнего решения, щастливым ли быть мне велите или нещастливым; вы то и другое в своей власти имаете. Коль велико будет мне удовольствие, естли вы одобрите страсть мою; в какую же напротиву того бездну тоски и отчаяния низвергнет меня тому противное! Однако ж, как бы то ни было, но я до конца жизни моей не престану почитать совершенства ваши, будучи всегда, Государыня моя! Ваш...* (НВПС1, с. 171–172).

Письмо рассматривалось как регламентированный жанр и строилось из готовых блоков-мотивов, пришедших из традиции. «Жанровые правила определяли облик текста. Категория жанра осознавалась в качестве куда более существенной, весомой, реальной, нежели категория авторства» [1, с. 90]. Классификация писем стремилась к полному охвату всех потенциальных адресатов, всех возможных жизненных ситуаций, всех случаев и обстоятельств. Отступление от установленных правил воспринималось как явный выход за рамки канона, как разрушение жанра. Однако любовные послания имели особый статус. Парадоксальная фраза в одном из изданий «Новейшего всеобщего и полного Секретаря...» хотя и содержала прямое понимание письма как нормативного жанра, в то же время, в противовес этому, указывала на несовместимость пламенного любовного послания с тщательно обдуманной, заданными, готовыми формулировками. Искренние признания не рекомендовалось подвергать строгой редакции и отделке. В «Письмовниках...» они порой теряли присущую им

номинацию: *Любовные письма совсем не принадлежат к письмам. В них должна управлять одна страсть, их не надобно исправно обрабатывать, а писать в жару своей страсти; но всего менее должно их исправлять, чтобы не охолодить то чувство, которым занимались мы тогда, как их писали; ибо по написании их можно сыскать в них много неисправности; украшения могут показаться очень сильными, хотя они и никогда не могут быть таковыми; разум совсем не должен в них вмешиваться. Редко там говорит разум, где властвует любовь* (НВПС1, с. 67–68).

Таким образом, главенство страсти возводилось в статус жанровой установки и повторялось в разных вариантах: *Письма любовныя совсем не подходят под общие правила писем: в них должна казаться одна страсть; обрабатывать совсем их не надобно; они должны быть писаны в жару страсти. Можно их поправлять, чтоб умерить жаркия выражения, произведённые тем чувствованием, которое занимало нас, когда писали их; потому что можно тогда найти много неправильного. Украшения могут показаться излишними в тех местах, где они не должны такими находиться; тонкия рассуждения не должны в них вмешиваться. Редко говорит рассудок, когда сердце заражено любовию* (НВПС3, с. 129–130).

Существенно, что далее проводится различие между двумя родами посланий: *... Сие наставление служит к сочинению одних прямо любовнических писем; что же касается до тех, которыя по-французски называются *Lettres galantes* и различествуют от любовных писем только лишь тем, что пишутся не в жару любви: то их гораздо больше должно обрабатывать и подправлять, нежели любовныя. Пишущий их должен смешивать рассудок и чувствования, класть в них какие-нибудь новости, анекдоты, острия слова и басенки. Со всем тем нужно стараться, чтобы чувствование больше всего было примечено* (НВПС3, с. 129–130).

Констатация жанрового своеобразия любовных писем, признание их отличий от письма «галантного» превращались в очередную нормативную установку, в наставление о том, что в них «должно», что «можно» и что «надобно»: *Сии письма совершенно отступают от слогу писем. Одна страсть должна везде управлять пером. В них не должно быть приметно ни малейшей натяжки; их пишут в самом движении страсти. Жар, с которым начато письмо, должен быть чувствителен до самого конца, не уменьшаясь ни мало; излишния замысловатая выражения были бы не кстати. Редко вырываются острия выражения, когда сердце истинно тронуту и наполнено нежностью; впрочем надобно истинно чувствовать страсть, чтобы уметь хорошо изобразить её на бумаге* (НВПС, с. 37–38).

Однако долженствование и рассудочность, логические построения всё равно проникали в самую словесную ткань письма: *Милостивая Государыня! Должность моя обязывает меня открыть вам то, что я скрывал очень долго. Я люблю вас сердечно. Если это вам противно, то я принуждён буду впасть в отчаяние. Но по чести, что может быть несправедливее, как видеть вашу красоту и не влюбиться? Любовь есть всегдашняя дань красоты; а кто смотрит на неё хладнокровно, тот отнимает у неё должное уважение. Закон справедливости требует, чтоб и вы были признательны; эта признательность должна*

увенчать тот пламень и ту искренность любви, с каким я имею счастье оставаться – ваши, Милостивая Государыня! И проч. (НВПП, с. 75).

В некоторых случаях содержание письма было направлено на то, чтобы задать также и надлежащую реакцию адресата, предписать ему (то есть ей) должное восприятие письма, указать на ожидаемое к письму отношение: *Будьте столь же справедливы, сколь вы прекрасны. Вы никогда не видали недостатка в моем к вам почтении и по тому вместо гнева вашего я больше жалости достоин, ибо не могу столько иметь удовольствия видеть вас, сколько мне бы хотелось. Я бы желал, чтоб сердца моё удостоено было вашего принятия: если я узнал, что оно вам мне противно, то бы почёл себя счастливейшим из смертных* (НВПП, с. 218–219).

В то же время приведённые готовые модели не лишены диалогового начала. Письмо, которое здесь не предполагает ответа, – это всё же реплика в диалоге, пусть воображаемом; это попытка не только оказать речевое воздействие на адресата, но и предугадать его реакцию, его чувства, даже услышать слова, которые им будут сказаны мысленно или написаны в ответном послании (недоверие, сомнение, гнев, приятность, обвинение, повеление, одобрение).

«Письмовники...» содержали также примеры любовной переписки, то есть эпистолярного диалога, который должен был представить некое развитие отношений и смену ситуаций: «От отверженного любовника», «От разлучившегося любовника», «К больной любовнице» и др. Составитель сборника порой моделировал цепь событий в условном времени, но в этой сочинённой переписке повторялись в основном одни и те же ситуации:

1) скептическое отношение адресата к признаниям адресанта, со стороны последнего – уверения, доказательства истинности чувств;

2) тоска в разлуке, слёзы, представление возлюбленной в мечтах, воспоминания о прошедшем, надежда на встречу, не исключая в то же время возможную смерть от горестного одиночества, и т. д.

При написании эпистолярных текстов конкретный адресант оказывался вольно или невольно во власти традиции. Любовное признание редко обходилось без формулировок, имеющих литературное происхождение. «...Для понимания процессов, которые происходили в истории эпистолярной культуры в России, письмовники важны как своеобразная констатация средней нормы эпистолярного общения, на фоне которой могли вырабатываться индивидуальные и литературно-значимые кодексы: стилистика дружеского письма, стилистика арзамасских писем и т. д.» [2, с. 543]. Через сопоставление приведённых в «Письмовниках...» примеров с подлинными текстами можно видеть, как происходит изменение «традиционного риторического канона и правил» [3, с. 3], можно установить, как влияет личность адресанта на константы риторического канона, выявить своеобразие индивидуально-авторских эпистолярных текстов.

«...Письмовники присутствовали в большинстве помещичьих библиотек, и вероятность того, что их прочитывали либо “пролистывали”, была весьма велика. <...> Если мы обратимся к юношеским письмам впоследствии известных литераторов, то обнаружим их поразительную близость некоторым образцам, предлагаемым письмовниками», – пишет Е.Е. Дмитриева [2, с. 543]. Источником любовной фразеологии в частных письмах нередко становилась эпистолярная

проза эпохи сентиментализма, сентиментальный роман, главным образом, «Юлия, или Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо (1761). Заметим, что образцы любовных посланий в «Письмовниках...» появились одновременно с формированием культуры сентиментализма, в более ранних изданиях «Всеобщих секретарей...» они отсутствовали. В письмах Сен-Прё говорится, как и подобает, о невозможности сохранить власть над собой, о вручении своей судьбы Юлии, о вероятном её гневе, о слёзах влюблённого, о невозможности другой любви, о её пламенности и вечности; ср.: *снедающий меня огонь погаснет лишь в могиле* (Ю., с. 18) и т. д.

Чувства любящего могли быть совершенно истинными и сильными, но их словесный облик заимствовался из другого источника. В «Метели» А.С. Пушкина читаем: *«Я вас люблю, – сказал Бурмин, – я вас люблю страстно...»* <...> *«Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке, привычке видеть и слышать вас ежедневно...»* (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо *St.-Preux*) (М., с. 73).

Пушкинская Татьяна «вздыхает, и себе присвоя / Чужой восторг, чужую грусть, / В забвеньи шепчет наизусть / Письмо для милого героя...» (ЕО, с. 58).

Полный загадок пушкинский роман в стихах содержит ещё одну, не получившую исчерпывающего объяснения. Автор в «Евгении Онегине» недвусмысленно сообщает читателю, что адресованное Евгению письмо Татьяны в подлиннике было написано по-французски и прозой:

Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык (ЕО, с. 65).

Приводя суждение С.Г. Бочарова о метафорическом (конечно же, не буквальном) смысле этих строк (*Пушкинское письмо Татьяны – «мифический перевод» с «чудесного подлинника» – сердца Татьяны*), Ю.М. Лотман подчёркивает, что всё же «подобная постановка вопроса не отменяет того, что текст письма Татьяны представляет собой цепь реминисценций в первую очередь текстов из французской литературы» [4, с. 228], что в строчках пушкинской героини можно найти «целый ряд фразеологических параллелей» [4, с. 228] с «Юлией, или Новой Элоизой» Руссо, романом, написанным прозой. «Обилие литературных общих мест, – отмечает далее исследователь, – не бросает тени на её искренность... не делает её чувство менее искренним и непосредственным» [4, с. 229].

В онегинском письме также обнаруживаются совпадения с общим источником, имеются похожие формулировки, но оно не переведено автором, а дано сразу по-русски. «По крайней мере, – пишет Ю.М. Лотман, – тщательному обоснованию того, что в романе письмо Татьяны дано в переводе, во втором случае ничего не соответствует» [4, с. 362]. Нет и указаний на его изначально прозаическую форму: *Вот вам письмо его точь-в-точь* (ЕО, с. 108). Не означает ли это, что страстное послание Онегина написано русскими стихами? К слову сказать, «Письмовники...» содержали в себе и образцы стихотворных любовных посланий.

В реальной жизни, по словам Ю.М. Лотман, «человек онегинского типа, вероятнее всего, писал бы любовное письмо по-французски», но «автор предпочёл

не акцентировать этого момента, не делать его фактом романной реальности» [4, с. 362]. Некоторые выражения Онегина «восходят к устойчивым клише французского любовного речевого ритуала» [4, с. 362]. Однако здесь они имеют условный характер и отнюдь не свидетельствуют о книжности, литературности испытываемых чувств. Русские стихи, в отличие от французской галантной эпистолярной прозы, должны были передать здесь полноту и неподдельность переживаний. Именно так можно интерпретировать упомянутую ранее фразу из «Письмовников...»: *Любовные письма совсем не принадлежат к письмам* (НВПС1, с. 67), то есть они не строятся по готовым матрицам, не обдумываются, не ориентируются на образцы, это не письмо как устойчивый жанр, а страстное послание, изливающееся из самого сердца. Французские клише, как указывает Ю.М. Лотман, комментируя письмо Онегина к Татьяне, в этом случае «не оказывают влияния на содержание» [4, с. 362].

Парадоксально, но в настоящий момент практически отсутствуют специальные исследования жанра любовного послания. Между тем оно разительно отличается своими жанровыми признаками от послания дружеского (которому посвящено множество исследований), а часто даже контрастирует с ним. Разумеется, определяющее значение имеет фактор адресации и авторская интенция, отводимая письму функция. Дружеское послание не исключало публичного прочтения, оно могло прозвучать в среде единомышленников, в литературных кружках. Любовное же послание предполагает одного и только одного адресата, рассчитывает на сохранение содержания в глубокой тайне. Дружеское послание мозаично, диалогично, включает бытовые детали, шутки, отнюдь не поэтические выражения. Разговорно-бытовая лексика «перемешана в нём с самыми различными словарными элементами» [5, с. 85] и т. д. «Поэзия жизни и проза её (пусть стилизованная)» здесь располагаются бок о бок, меж ними «нет незыблемых границ» [6, с. 33].

Любовное письмо по определению одностороннее, серьёзное, исключает быт и низкую лексику, тяготеет к словарю книжно-поэтическому. Дружеское послание может соотноситься в принципе с любым из речевых жанров, со всеми вместе или с каждым в отдельности. Любовное обладает в этом случае лишь избирательным сродством и представляет собой, говоря словами А.С. Пушкина, «мольбы, признанья, пени» (ЕО, с. 170). Этот ряд можно продолжить: уверения, заклинания, обещания, клятвы, сожаления и т. д., но всё же он будет ограниченным. Любовное послание характеризуется специфическим набором мотивов:

- невозможность молчать,
- следы внутренней борьбы, предшествующей письму,
- победа сердца над разумом,
- попытка предугадать реакцию адресата,
- надежда на понимание,
- уверения в единственности и исключительности испытываемого чувства,
- полное вручение себя адресату,
- предание своей судьбы в его волю,
- покорность своей участи.

Причём этими признаками отличается главным образом первое обращение к предмету любви. Последующие любовные послания могут лишь отчасти соотноситься с приведённой мотивной структурой, хотя многие её элементы при этом сохраняются. Кроме того, появляется нарратив – предыстория нынешних отношений. В частных письмах знакомые мотивы переосмысляются, соседствуют с самыми разнообразными ситуациями, с развитием и предысторией, с перспективами дальнейших взаимоотношений адресата и адресанта, что обуславливает оригинальную структуру писем. Индивидуальная ситуация, порождённая конкретными жизненными событиями, по-своему преображает традиционные мотивы и по-своему их выстраивает. Изменяется и природа диалогизма. «Высокая степень диалогичности письма предполагает нарушение риторических канонов», – замечает И.А. Лешутина [3, с. 8].

В работах Я.Л. Левкович, посвящённых посланиям А.С. Пушкина к жене, определены главные аспекты исследования писательского эпистолярия. Письма рассматриваются «как человеческий документ, как документы исторические, отражающие “быт известной эпохи”, и как явление литературы, весьма значительное для понимания историко-литературного процесса начала XIX века» [7, с. 198]. Названные подходы актуальны и для изучения переписки Н.М. Карамзина.

В Российской государственной библиотеке хранится подборка неизданных писем Н.М. Карамзина к Е.А. Карамзиной (урождённой Колывановой), в том числе недатированные записки, написанные, вероятно, в 1804 г., когда Екатерина Андреевна была невестой адресанта. Карамзин обращается к возлюбленной исключительно по-французски, лексика письма более возвышенная, более литературная, чем в поздних письмах, адресованных уже супруге. Например: *Les premières lignes de votre main, adressées à celui qui veut vivre pour vous aimer, seront couvertes de mes baisers, je vous en avertis d'avance* («Первые вашей рукой написанные строки, адресованные тому, кто хочет жить, чтобы любить вас, будут покрыты моими поцелуями, предупреждаю вас об этом заранее»)² (ПККК, л. 8). Или: *Sans aucune exagération, je peux dire que je vous aime déjà plus que tout. Jamais, jamais je n'ai été plus heureux* («Без всякого преувеличения могу сказать, что люблю вас уже более всего на свете. Никогда, никогда я не был более счастлив») (ПККК, л. 8).

Естественные для любовного послания мотивы соединяются с особыми жизненными обстоятельствами: в другом письме, также преисполненном заклиний и нежных уверений, содержится упоминание о маленькой Софье, дочери Карамзина от его первой, рано умершей жены Елизаветы Ивановны (в девичестве Протасовой): *Je vous amènerai ma petite qui dort dans ce moment. Si, en vous voyant, elle commence à pleurer, pensez que par ses larmes, elle vous demande votre bonté et protection* («Я привезу вам мою малышку, которая сейчас спит. Если, увидев вас, она начнёт плакать, знайте, что своими слезами она молит вас о доброте и покровительстве») (ПККК, л. 6–7 об.).

Эти письма имеют глубоко личный, интимный характер. Заклучая в себе тайну двух сердец, они не были рассчитаны на публичное чтение, не распространялись в списках, даже не цитировались биографами Н.М. Карамзина. Однако

² Здесь и далее перевод наш. – Л.С.

сама форма выражения искреннего чувства порой соотносится в письмах с книжными, литературными образцами. Кажется, после писем кавалера Сен-Прё к Юлии ни один влюблённый почитатель Руссо уже не мог избежать влияния французского писателя в своих обращениях к предмету обожания. Нет сомнения, что строки карамзинских писем исходили из самой глубины его любящего сердца, но нередко используемые им словесные формулы заданы были тем же литературным источником, то есть романом «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо, с которым, по словам Н.Д. Кочетковой, «оказывался неотъемлемо связан и принцип искренности» [8, с. 77]. Карамзин очень любил этот роман и делал пространные выписки из писем Юлии к Сен-Прё (см. [9]). Правда, в отличие от литературных предшественников, автор писем к Е.А. Кольвановой исполнен покоя и счастья и передаёт эти чувства своей возлюбленной.

Став супругами, они поклялись никогда не расставаться, но порой им всё же приходилось нарушать обещание. В первый раз – в 1805 г., когда молодая жена историографа отправилась вместе с отцом, князем А.И. Вяземским, братом по отцу П.А. Вяземским и своей маленькой падчерицей Софьей в Петербург. Дома остались Николай Михайлович и годовалая малышка Наташа, трепетно любимая отцом.

Письма любящих супругов представляют собой контаминацию дружеского и любовного посланий и могут соединять признаки того и другого жанров. Как и в дружеском письме, характерной чертой супружеских писем становится мозаичность, хотя в письмах Карамзина к Екатерине Андреевне, в отличие от посланий к друзьям, нет места шутке, иронии, пустой болтовне, нет стихотворных фрагментов и пр. Карамзинские письма к жене всегда полны пылких признаний: *Je t'embrasse avec toute la tendresse de mon coeur* («Обнимаю тебя со всей нежностью моего сердца») (ПКкК, л. 16 об.); *Adieu, mon trésor unique sur la terre* («Прощай, моё единственное сокровище на земле») (ПКкК, л. 68); *Je t'aime plus que moi-même* («Люблю тебя гораздо более самого себя») (ПКкК, л. 16 об.); *Ты моё сокровище и жизнь, люблю тебя гораздо более самого себя* (ПКкК, л. 93 об.); *Со слезами целую твои строки...* (ПКкК, л. 95); *Целую тебя со всею нежностью и горячностью моего сердца...* (ПКкК, л. 93 об.).

Мотивная структура писем 1805 г. в немалой степени соотносится с образцами любовных посланий, приведённых в «Письмовниках...» под характерным названием «От разлучившегося любовника»: мучительная длительность разлуки, слёзы, тоска по возлюбленной, невозможность облегчить свою грусть, бесполезность попыток чем-нибудь отвлечься, найти себе место, желание забыться сном, беспрестанные думы о встрече навек, клятва не разлучаться более и т. д. Но есть и существенные различия. Неизвестный автор образцового (стихотворного) послания, оканчивая его, готовится к смерти:

Страдай душа моя и мучься несказанно!
Теките горьких слёз потоки непрестанно!
И если смерть тогда жизнь горьку прекратит,
Она потерянню спокойство возвратит:
Верь мне, любезная, что шествуя к покою,
Я, мысля о тебе, глаза свои закрою;
Не смертью, но тобой, я душу возмущу
И с именем твоим дух томный испущу (НВПП, с. 227).

А разлучённый с супругой Карамзин думает о будущей встрече и собирается жить долгие годы: *Je prie Dieu pour qu'il conserve celle qui m'est plus chère que moi-même; qu'il te ramène auprès de ton époux bien, bien tendre le plutôt possible, est pour que nous passions ensemble des jours doux et sereins. Jamais je n'oublierai cette pénible séparation, oh ma douce amie...* («Я молю Господа, чтобы он сохранил ту, которая мне дороже меня самого, чтобы он возвратил тебя к твоему мужу, очень, очень нежному, как можно скорее, чтобы мы проводили вместе сладкие и безмятежные дни. Никогда не забуду я эту мучительную разлуку, о мой милый друг...») (ПКкК, л. 73 об.).

Часто упоминаемые в письмах слёзы перестают быть штампом и становятся спутником глубокого, искреннего чувства. Карамзин понимает, что и любовь, и всё земное существование немислимы без слез и страдания. Он пишет: *Мы любим друг друга не для счастья любви, а для того, что не можем не любить: это необходимость нашего сердца* (ПКкК, л. 40). Слёзы, плач – драгоценное для него переживание, он не пытается спрятать слёзы, сдержать их.

Карамзина как писателя В.Г. Белинский подозревал в ложной чувствительности: «Ныне едва ли найдётся такой добренький простачок, который бы поверил, что обильные потоки слёз Карамзина изливались от души и сердца, а не были любимым кокетством его таланта, привычными ходульками его авторства» [10, с. 58]. Однако в письмах, отнюдь не рассчитанных на публичное прочтение, его слёзы обусловлены причинами «особенными, имеющими отношение к характеру и обстоятельствам поэта» [11, с. 89]: *Ma douce amie, mes yeux se remplissent de larmes* («Мой милый друг, мои глаза полны слёз») (ПКкК, л. 8); *J'ai répandu quelques larmes en lisant et en relisant ton cher billet* («Я прослезился, читая и перечитывая твою милую записку») (ПКкК, л. 66); *Ma douce amie, je viens de recevoir ta seconde lettre datée de Pétersbourg. J'ai en déjà le tems de la relire et de pleurer beaucoup* («Милый друг мой, я только что получил твоё второе письмо из Петербурга. У меня было уже время его перечитать и много поплакать») (ПКкК, л. 72); *Cette peine se prononce dans chaque ligne de tes lettres si tu les arroses de tes larmes, les miennes y coulent aussi, je ne peux pas les relire sans pleurer* («Горесть сказывается в каждой строчке твоих писем, когда ты орошаешь их своими слезами, и мои текут тоже, я не могу их перечитывать, не плача») (ПКкК, л. 78).

Говоря о любви, адресант, видимо, пользовался готовыми выражениями, определёнными клише, принятыми в такого рода посланиях. В то же время непредсказуемая российская действительность, сфера помещичьего быта порой исключали возможность устойчивых формул и заставляли автора писем выбирать другой язык и другую лексику: *Скажи князю, что деревенский прикащик [так!] атакует меня в деньгах. Я дал ему 300 рублей, но он говорит, что надобно ему в течение месяца около двух тысяч или работа совершенно остановится. <...> Дворецкой взял у меня 140 рублей для покупки железа на кровлю беседки: его никак не отпускали без денег, и беседка осталась бы не крытая. Не прикажет ли князь взять у банкира тысячу или более? Или что мне делать?* (ПКкК, л. 69).

Карамзин пишет также о своём серьёзном недомогании, связанном с болезнью кишечника. Особая степень откровенности заставляет его оговориться:

Voilà assez de details sur ma santé: c'est comme si tu étais avec moi, ma bonne amie. Je ne suis pas ridicule, parce que j'écris à celle qui m'aime véritablement et parce que tu l'as exigé de moi («Вот довольно подробностей о моём здоровье, это как если бы ты была со мной, добрая моя подруга. Я не смешон, потому что пишу к той, кто меня истинно любит и потому что ты требовала этого от меня») (ПККК, л. 66).

Карамзин находит для супруги множество нежнейших имён:

- *mon amante et mon épouse* («моя возлюбленная и моя супруга»),
- *ma chère et douce amie* («дорогая и нежная моя подруга»),
- *mon trésor unique sur la terre* («моё единственное сокровище на земле»),
- *mon trésor et mon tout* («моё сокровище и моё всё»).

Адресант должен был испытать сильное потрясение, чтобы излить свои чувства, открыть сердце. В этом смысле письма Карамзина к жене занимают особое место. Сила его любви не оставляла места для сдержанности. Он заболел без своей подруги, скучает и томится, беспокоится о состоянии дорог, о работе почты, едва не сходит с ума, не получив вовремя долгожданных вестей из Петербурга. Приобретают большое значение в связи с этим графические характеристики текста. Неровность, быстрота почерка передают биение сердца, волнение и страсть влюблённого. Так, полное тревоги письмо от 21 августа 1805 г. написано в сильном возбуждении, более размашистым, чем обычно, неровным, неразборчивым от спешки почерком.

Говоря о развитии русской словесности XVIII столетия, Т.Е. Автухович, отмечает движение жанров (прежде всего романа) от «прокламируемого риторикой (как парадигмального типа культуры) единства бытия к осознанию его множественности и разнообразия; от выстроенности – к неупорядоченности; от ограничивающих творческую волю художника обобщающих установок риторической культуры (всё в мире повторяемо и предсказуемо) к выявлению неповторимости и непредсказуемости мира и человека в нём» [12, с. 207]. Эти же процессы происходили и в эпистолярном жанре.

В период войны 1812 г. супруга и дети Карамзина покинули Москву и эвакуировались в Ярославль. В карамзинских письмах к жене звучат слова неизменной и страстной любви, чувства тоски и тревоги: *Я, слава Богу! получил от тебя два письма: то и другое заставило меня плакать от умиления. Более чем когда-либо чувствую нежность твою и великодушие. Каждое слово трогает меня до глубины сердца. Бесценный друг! Бог любит меня, когда он дал мне такую жену* (ПККК, л. 95). Несмотря на то что некоторые русские фразы из посланий этого периода напоминают французские письма прежних лет, всё же рядом со словами любви и верности звучат боль и тревога за судьбу России, даются сводки о военном положении.

В самом конце января 1816 г. Карамзин-историограф отправился в Петербург, чтобы представить государю первые 8 томов своего труда. Почти два месяца он ждал царской аудиенции, не теряя достоинства и мучительно тоскуя по жене и детям. Лишь 15 марта он был принят императором, который дал высочайшее соизволение на печатание «Истории государства российского» в Петербурге. «Сердце трепещет от одной мысли броситься к тебе в объятия. <...> Много визитов и дела, но главное сделано. Так ли милая? Еду к тебе», – пишет Карамзин жене 21 марта, а 25 марта он выезжает в Москву.

В томе его «Неизданных сочинений и переписки» (1866) письма к жене за февраль-март 1816 г. были напечатаны со значительными пропусками. Между тем они заслуживают отдельного рассмотрения. При публикации исключены были прямые обращения к супруге, неистощимые слова любви и нежности, идущие от души к душе откровения, заклинания набраться мужества и не грустить, опущены были признания, исполненные бесстрашной искренности, строки о тяжести разлуки, о пролитых слезах, о молениях, мысленных ласках, объятиях и поцелуях, нетерпение влюблённого, благодарность Богу за жену и детей, надежда на воссоединение: *Я прижимаю тебя к своей груди, роняя в душе слёзы умиления* (ПККК, л. 24); *Милая! Вчера я получил письмо твоё и обливался слезами умиления, любви и нежности* (ПККК, л. 24); *Благодарю Бога и тебя, моя милая за твоё радостное письмо от 3 февраля. Ты и дети здоровы: вот моя радость и благополучие! По обыкновению, я плакал, не горько, а сладко* (ПККК, л. 27); *Два дни сряду имел я от тебя письма, милая бесценная; благодарил бога, что ты с малютками здорова, и смешал слезы свои с твоими на измоченных ими страницах* (ПККК, л. 34); *Милый друг! Вчерашнее письмо твоё от 16 и 17 февраля произвело обыкновенное действие, то есть было омочено сладкими слезами, от любви к тебе и от благодарности к богу, который хранит и вас и меня* (ПККК, л. 37).

Письма Н.М. Карамзина к жене, полные глубокого и страстного чувства, на наш взгляд, не могут быть однозначно определены как любовные послания. Они представляют собой универсальный жанр, объединяющий в себе исполненные любви и тревоги обращения к супруге, переговоры с приказчиком, сведения о своём здоровье (послания 1805 г.), репортаж с места эпохальных событий, осмысление исторической миссии России, молитву о спасении своих близких и отечества (письма 1812 г. из осаждённой Москвы); придворную хронику, светские беседы, дневник историографа, нравственно-философские итоги, любовные признания, родительское благословение и т. д. (письма 1816 г. из Петербурга).

Таким образом, неопубликованный карамзинский эпистолярный позволяет более детально представить процесс формирования индивидуально-авторской модальности в русской словесности, даёт возможность более живо и конкретно увидеть черты личности Н.М. Карамзина, заглянуть в его неповторимый внутренний мир. Публикуем здесь одно из неизданных его посланий.

Письмо Н.М. Карамзина к Е.А. Карамзиной из Москвы в Петербург (август 1805 г.) // НИОР РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 81–82 об.

Ma tendre et bonne amie, ton propre coeur te dit assurément, combien ton absence doit être pénible au mien. Tu es presque l'unique lien qui m'attache au bonheur de la vie, et l'amour que j'ai pour toi, fait à peu-près toute l'existence de mon coeur. Accoutumé à vivre en ta présence, à recourir à toi à la moindre indisposition de mon âme, je me vois privé de cette douceur et de cette consolation. Mais tu as dû faire ce que tu as fait, et je supporterai mon sort. Mon caractere t'est assez connu pour que tu saches que je ne cesserai point de m'inquiéter jusqu'à ton retour. Combien je bénirai la Providence, si tu ramènes le bonheur pour mon âme! Je te suis en idée, ma tendre amie; et depuis ton départ cela fait mon unique occupation. Je n'ai pas encore recommencé mon travail; je n'y suis guère disposé. Je n'ai vu que Mr. Dmitriev pour quelques minutes. Наташа seule me tient compagnie, et je la caresse plus qu'à ordinaire: c'est ta fille. Elle se porte bien, Dieu merci. Quant à moi, je suis comme tu m'as laissé. J'ai envoyé chercher le medecin pour m'expliquer avec lui sur l'effet de ce qu'il me

donne prendre. Je tacherai aussi de voir Mistiwier, je ne veux rien négliger pour mon retablissement. Tu dois donc être tranquille, ma douce amie. Sois aussi sûre que je ne me fatiguerai point par le travail. J'aurai le courage d'être oisif, si ma santé ne va pas mieux. Je me mettrai lire les choses les plus légères; je me promènerai doucement, et je penserai à mon épouse adorée qui remplit toute mon âme. Je me coucherai toujours à 10 heures: ce que j'ai déjà fait hier et avant-hier, mais sans beaucoup de succès, parce que la somnolence ne voulait point venir, mon ange gardien n'étois pas à côté de moi! Cela ira peut-être mieux. Dieu veuille que cette lettre vous trouve déjà à Pétersbourg; et tous bien-portans. La chaleur est toujours bien forte et doit vous incommoder beaucoup. J'ai appris avec peine au magasin anglois, que tu étois partie sans lorgnette: j'ai pu oublier une chose qui t'étois si nécessaire! Je te supplie, ma douce amie, de me donner tous les détails sur ta santé et sur celle du Prince; je veux savoir, comment tu as supporté le voyage. Sûr de ta tendresse, je ne te dis pas de penser à moi; je te permets un peu d'attendrissement quelquefois, mais point de tristesse! Mon coeur fait des vœux pour ta santé et pour ta tranquillité beaucoup plus ardents que pour la mienne; je te dirai que tu m'es plus chère: que ton amour même. Aime-moi un peu moins, si cela est possible, mais sois heureuse et contente! Je te serre contre mon sein en y versant quelques larmes d'attendrissement. Adieu, chère, chère et unique amie. Dis de ma part les choses les plus respectueuses les plus tendres à notre bon et cher Papa que j'embrasse du fond de mon âme. L'attachement que j'ai pour lui est aussi pur que sincere. J'embrasse bien amicalement notre petit Prince, et j'espère qu'il fera tout pour prouver sa reconnaissance envers un père, bon et tendre. Нежно поцелуй Сонюшку, дай Бог, чтобы она была здорова, и более утешала, нежели беспокоила свою любезнейшую маменьку. Adieu, épouse adorée. Personne n'a été mieux aimée, j'ose le dire. Je te couvre des baisers, et j'implore la bonté de Dieu en faveur de mon unique bien. Adieu, adieu tendre. J'embrasse dans ce moment ton portrait, et je vais embrasser notre petite.

Перевод³

Нежный, добрый друг мой, твоё собственное сердце, конечно, говорит тебе, сколь твоё отсутствие должно быть мучительно для меня. Ты почти единственная нить, которая связывает меня с блаженством жизни, и моя любовь к тебе составляет почти всё существование моего сердца. Привыкнув жить в твоём присутствии, прибегать к тебе при малейшей тяжести моей души, я вижу себя лишённым этой ласки и этого совета. Но ты должна была сделать то, что ты сделала, и я снесу мою судьбу. Мой характер тебе довольно известен, чтобы ты знала, что я никак не перестану беспокоиться до твоего возвращения. Как я возблагодарю Провидение, если ты вернёшь мне счастье моей души! Я в мыслях следую за тобой, мой нежный друг, и с момента твоего отъезда это моё единственное занятие. Я ещё не вернулся к моей работе, я нисколько к ней не расположен. Виделся только несколько минут с г-ном Дмитриевым⁴. Одна Наташа⁵ составляет мне компанию, и я ласкаю её больше обычного: она твоя дочь. Она чувствует себя хорошо, слава Богу. Что до меня, то я тот же, каким ты меня оставила. Я послал за врачом, чтобы потолковать с ним о результатах того, что он велит мне принимать. Я постараюсь также увидеть Мистивье⁶, не хочу ничем пренебрегать для моего выздоровления. Поэтому ты должна быть спокойна, милая моя подруга. Будь также уверена, что я нисколько не буду утомлять себя работой. Я буду иметь мужество быть праздным, если моё здоровье не улучшится. Я примусь читать самые пустые книги, я буду медленно гулять и думать о моей обожаемой супруге, которая наполняет всю мою душу. Я буду всегда ложиться в 10 часов: то, что я уже делал вчера и позавчера, но без особого успеха, потому что дремота не желала прийти, моего ангела-хранителя не было рядом со мной! Может быть, станет лучше. Дай Бог, чтобы это письмо нашло вас всех в Петербурге

³ Перевод с французского Л.А. Сапченко и Л.Ф. Семёновой.

⁴ Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) – поэт, государственный деятель, ближайший друг Н.М. Карамзина.

⁵ Наташа (1804–1810) – дочь Николая Михайловича и Екатерины Андреевны Карамзинных.

⁶ Мистивье (Mistiwier) – французский доктор в Москве.

в полном здравии. Жара всё ещё очень сильна и должна причинять вам много неудобства. Я узнал с досадой в английском магазине, что ты уехала без лёгкого сундучка: я мог забыть такую вещь, которая тебе так нужна! Я умоляю тебя, милый друг мой, сообщать мне все подробности о здоровье твоём и князя⁷, я хочу знать, как ты перенесла поездку. Уверенный в твоей нежности, я не заставляю тебя думать обо мне, я разрешаю тебе иногда немного растроганности, но только не печали! Моё сердце молит о твоём здоровье и спокойствии намного более страстно, чем о своём. Люби меня немного меньше, если это возможно, но будь счастлива и довольна! Я прижимаю тебя к своей груди, роняя в душе слёзы умиления. Прощай, дорогая, дорогая и единственная моя подруга. Передай от меня почтительнейшие и нежнейшие слова нашему дорогому и доброму папа, которого я обвиняю от всего сердца. Моя преданность ему столь чиста, сколь искренна. Дружески обвиняю нашего маленького князя⁸, и я надеюсь, что он сделает всё, чтобы доказать свою признательность доброму и нежному отцу. Нежно поцелуй Сонюшку⁹, дай Бог, чтобы она была здорова, и более утешала, нежели беспокоила свою любезнейшую маменьку. Прощай, моя обожаемая супруга. Никто не был более любим, смею сказать. Покрываю тебя поцелуями и молю доброго Бога о милости к моему единственному благу. Прощая, прощай, милая. В эту минуту я целую твой портрет и иду поцеловать нашу малютку.

Источники

- ПКкК – Письма Н.М. Карамзина к Е.А. Карамзиной // НИОР РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1.
- НВПШ – Новейший самый полный и подробный письмовник, или Всеобщий Секретарь, содержащий в себе письма всякого рода, в общежитии употребляемые и приспособленные ко всем случаям и обстоятельствам, с предварительными правилами и наставлениями сочинять и писать всякия письма к разным особам и о разных предметах, с присовокуплением примерных писем великих особ: в 2 ч. – М.: Унив. тип., 1812. – Ч. 1. – 476 с.
- НВПС1 – Новейший всеобщий и полный Секретарь, содержащий новое, полное и основательное наставление, как сочинять всякого рода письма с приобщением многих лучших примеров и состоящий в четырёх частях. – М.: Унив. тип. у Хр. Клаудия, 1801. – Ч. 1. – 464 с.
- НВПС3 – Новейший всеобщий и полный Секретарь, содержащий новое, полное и основательное наставление, как сочинять всякого рода письма с приобщением многих лучших примеров и состоящий в четырёх частях. – М.: Унив. тип. у Хр. Клаудия, 1801. – Ч. 3. – 498 с.
- Ю. – *Руссо Ж.-Ж.* Юлия, или Новая Элоиза // Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: в 3 т. – М.: Гослитиздат, 1961. – Т. 2. – 768 с.
- М. – *Пушкин А.С.* Метель // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 т. – М.: Гослитиздат, 1960. – Т. 5. – С. 63–76.
- ЕО – *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Гослитиздат, 1960. – Т. 4. – С. 5–198.

Литература

1. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. – 358 с.

⁷ Вяземский Андрей Иванович (1750/54?–1807) – князь, отец Екатерины Андреевны Кольвановой (в замужестве Карамзиной).

⁸ Вяземский Пётр Андреевич (1792–1878) – единокровный брат Екатерины Андреевны Карамзиной (урождённой Кольвановой).

⁹ Сонюшка (1802–1856) – дочь Николая Михайловича Карамзина и его первой жены – Елизаветы Ивановны (урождённой Протасовой), умершей в 1802 г.

2. *Дмитриева Е.Е.* Русские письмовники середины XVIII – первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – Т. 45, № 6. – С. 543–552.
3. *Леиштина И.А.* Константы и переменные русской «почтовой прозы» первой трети XIX столетия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 34 с.
4. *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
5. *Степанов Н.Л.* Поэты и прозаики. – М.: Худож. лит., 1966. – 360 с.
6. *Грехнев В.А.* Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1978. – С. 32–48.
7. *Левкович Я.Л.* Письма Пушкина к жене // Рус. лит. – 1984. – № 1. – С. 188–198.
8. *Кочеткова Н.Д.* «Исповедь» в русской литературе конца XVIII века // На путях к романтизму: сб. науч. тр. – Л.: Наука, 1984. – С. 71–99.
9. *Сапченко Л.А.* Выписки из французских мыслителей в неопубликованном альбоме Николая Михайловича Карамзина // La Russie et l'Europe: autres et semblables (Université Paris Sorbonne – Paris IV, 10–12 mai 2007). – URL: <http://institut-est-ouest.ens-lyon.fr/spip.php?article116>, свободный.
10. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 1. – 562 с.
11. *Карамзин Н.М.* Сочинения: в 2 т. – Л.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 456 с.
12. *Автухович Т.Е.* Риторика. Жизнь. Литература: исследования по истории русской литературы XVIII века. – Минск: Лимариус, 2015. – 412 с.

Поступила в редакцию
18.11.15

Сапченко Любовь Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова
Площадь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, д. 4, г. Ульяновск, 432700, Россия
E-mail: ssj-sla@mail.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 167–182

“Love Letters Do Not Entirely Belong to Letters...”
(Specifics of the Genre in the Epistolary Heritage of N.M. Karamzin)

L.A. Sapchenko

Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk, 432700 Russia
E-mail: ssj-sla@mail.ru

Received November 11, 2015

Abstract

The paper for the first time examines unpublished letters of N.M. Karamzin to E.A. Karamzina (nee. Kolyvanova) against the background of the examples of love letters given in “Pismovniki ...” of the 18th–early 19th centuries.

The purpose of this work is to present the formation of author's individual modality in Russian literature in more detail and to show more vividly and specifically the personality traits of N.M. Karamzin by the example of his epistolary heritage.

The objectives of the paper are to examine the motivic structure and composition of the letters, to describe the basic motivic complexes of an "exemplary" love letter, to trace changes in the epistolary genre at the turn of the century, and to specify the sources of love phraseology in private letters of this period ("Pismovniki ...", French sentimental novel).

The study establishes a special status of a love message, as well as its exclusive right to violate the canon, to disregard the established norms and patterns, which, in turn, becomes a normative characteristic of the genre. In the letters to E.A. Karamzina, N.M. Karamzin often used ready-made expressions, certain bookish clichés. At the same time, the diverse and unpredictable reality does not fit into the paradigm of rhetorical culture. It often precludes the use of stable formulas and causes the author of the letters to develop his own unique style.

The obtained results reveal genre and style originality of N.M. Karamzin's letters to his wife, where the letters represent a universal genre that combines in itself addressing his wife with love and concern, conversations with the estate manager, information about N.M. Karamzin's health (the messages on 1805), reporting from a place of epoch-making events, interpretation of the historical mission of Russia, a prayer to God for the salvation of his loved ones and his motherland (the letters of 1812 from besieged Moscow); court chronicle, small talk, the historiographer's diary, moral and philosophical conclusions, passionate love declarations, parental blessing, etc. (the letters of 1816 from St. Petersburg).

One of the unpublished letters of N.M. Karamzin to E.A. Karamzina is presented for the first time (1805).

Keywords: love letter genre, genre examples in "Pismovniki", unpublished epistolary heritage of N.M. Karamzin

⟨ **Для цитирования:** Сапченко Л.А. «Любовные письма совсем не принадлежат к письмам...» (специфика жанра в эпистолярной Н.М. Карамзина) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 167–182. ⟩

⟨ **For citation:** Sapchenko L.A. "Love letters do not entirely belong to letters..." (specifics of the genre in the epistolary heritage of N.M. Karamzin). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 167–182. (In Russian) ⟩